

МУСЬКА

Родилась Муська в больнице. Точнее, в больничном подвале. Там и увидела ее в первый раз жившая при больнице Протасьевна. Пошла в подвал за тряпками и обнаружила в них мертвую кошку с котятами. Поморщившись, она собрала находку в узелок, чтобы отнести, куда полагается, и закопать, как вдруг один из безжизненных комочков слабо пискнул и ткнулся в ладонку Протасьевны.

“Батюшки, живая...” - сказала Протасьевна.

Она принесла Муську в кладовку. Кладовка была поделена на две части. В одной из них и жила в ожидании квартиры Протасьевна. Квартиру ей все не давали, а в деревню, откуда она приехала и куда ее усиленно звали обратно родичи, Протасьевне возвращаться не хотелось. Да, признаться, она уже и привыкла к своему месту жительства. Все - рядом, и на работу ездить не надо.

Первым делом Протасьевна поделилась с Муськой молоком, припасенным для обеда. Невелика была дележка. Трех чайных ложек хватило, чтобы в голове у голодной кошечки закружилось, и она уснула.

Людей в больнице было много. От них пахло спиртом, йодом, хлороформом. И, конечно, валерьянкой... Больничный люд относился к Муське терпимо. Кое-кто даже пытался приласкать кошку. Но зов: “кыс-кыс-кыс”, - сам по себе еще не означал, что вслед за ним появится кусочек мяса или иное угощение. Кормила Муську, пожалуй, только Протасьевна. И потому кошка вот уже скоро два года безропотно подчиняется Софье Протасьевне, санитарке больницы.

Правда, один раз Муська ослушалась своего кумира. Это случилось весной. В окошко кладовки повеяло талым снегом, солнцем и еще чем-то необыкновенным. И Муська заволновалась. Ей почему-то захотелось выйти из кладовки. Но Протасьевны что-то долгонько не было. Двери, как заколдованные, не открывались. И Муська решилась. Она уперлась лбом в створку и стала

помогать лапами. Чудеса! Дверь скрипнула и подалась, образовав щель, через которую протиснуться было делом пустяковым.

Рядом - еще дверь, через которую Муська никогда не проходила. Окрыленная удачей, Муська испробовала свой метод и на этой таинственной двери. Та открылась с еще большей легкостью. За дверью оказалась лестница, ведшая наверх.

Боже, какой букет запахов был подарен Муське в новом мире, который на человеческом языке назывался “чердаком”! Запахи щекотали ее усики и, как ручейки, стекали по ним прямо в дрожащие розовые ноздри.

Первым, кого увидела Муська, был воробей. Он сидел на бревнышке у слухового окна и охорашивался. Инстинкт мгновенно прижал Муську к песку, насыпанному в чердачный тес.

У новоявленной охотницы не было опыта, и прыжок получился преждевременным и чересчур резким. Воробья как ветром сдуло. В зубах у Муськи остались только три перышка из его хвоста. Она досадливо закурила головой, отплеываясь и осматриваясь, нет ли рядом свидетелей ее позора.

И замерла. Свидетель несомненно был. На толстой жерди вверху сидел кот. Он сидел на жерди и умильно жмурился.

***

Летом Муська принесла трех котят. Софья Протасьевна оборудовала им старое лукошко, и в кладовке отныне зажила счастливая семейка. Скоро у котят прорезались глазки, и санитарка стала подумывать, кому бы раздать “маленьких”, как она их называла в минуту нежности. Одного удалось пристроить надежно: скоро должна была выписаться больная из дальнего района, деревенская девочка лет двенадцати. Она сама попросила у Протасьевны оставить для нее беленького котика с черным бантиком на шее.

Потом в больницу приехала комиссия из министерства, и у Протасьевны столько прибавилось хлопот, что она лишь раз в день забегала в кладовку.

...Аркадий Абелевич, главный врач больницы, во всем любил порядок. Слово “стерильно”, любимое его словечко, произносилось персоналом на разные лады: от зычного требовательного возгласа до почтительного шепота. Правда, Протасьевна упорно всегда переиначивала это слово на “стирально”. Наверное, это оттого, что она много, очень много стирала. Стирала белье. Стирала пыль. Протирала до блеска полы. Большею частью поэтому в больнице и было все всегда стерильно.

Стерильно все было и в то утро, когда Аркадий Абелевич пригласил членов министерской комиссии на генеральный обход корпусов. Гости уже побывали в хирургическом и терапевтическом. И вот группа в белых халатах вступила на ковровую дорожку неврологического отделения.

На первом же этаже их ждал сюрприз. И виновата в нем была Муська. Она решила, видимо, тоже продемонстрировать кое-что гостям. Вывела свое семейство на самую середину ковровой дорожки и разлеглась на виду у всех, устроив котятм небольшой завтрак.

Увидев незнакомых людей, Муська картинно выгнулась и сделала “мр-р-ры”,

отчего присосавшиеся котята чуть не отвалились от нее и только за счет своей жадности удержались.

Реакция на зрелище у гостей была не одинакова. Полная женщина, никак не умещавшаяся в белый халат, всплеснула руками:

- Ах, что за прелесть!

Но сухопарый представитель министерства ничего не сказал и лишь поджал губы, когда брезгливо перешагивал через Муську.

Аркадий Абелевич побелел и замахал руками, молча показывая, чтоб кто-нибудь убрал “это безобразия”.

Через час Протасьевну вызвали к главному.

- Софья Протасьевна, - начал он официально. - Ставлю вам условие. Или сегодня же в больнице не будет посторонних... - он пожевал губами, подыскивая слова, и продолжил, - ...животных, или вам придется подать заявление... по собственному желанию...

***

Муська страшно удивилась, когда вечером после работы Протасьевна не заперла ее, как обычно, с собой в кладовке, а сунула в коричневую сумку.

В сумке было темно и душно. И Муська начала мяукать. Но сумка, неумолимо покачиваясь, плыла куда-то, неся в своей утробе насмерть перепуганную кошку.

Это “плавание” сопровождалось морем звуков: слышались людские голоса, шум колес, гудки машин, еще какие-то громы, шумы, шорохи, стуки. Так длилось, может, полчаса, а может, больше, потому что Муська вовсе не разбиралась во времени.

И вдруг сумка открылась. Пахнуло влажным ветром, и в глазах зарябили огни фонарей и реклам. Протасьевна взяла ошеломленную Муську за шиворот, впихнула ее в какой-то высокий железный ящик со стеклянным верхом, захлопнула тяжелую боковую и тоже наполовину стеклянную дверь ящика и ушла.

Муська сперва подумала, что железно-стеклянный ящик - ее новое жилище. Она уже начала искать мягкую подстилку, на которой можно было улечься на ночь. Но подстилки никакой не было. К тому же Муська вспомнила о котятах, и жалобное мяуканье наполнило чрево ящика.

И вдруг дверь со скрежетом открылась. Вошел какой-то человек с круглыми стекляшками на глазах, захлопнулся и потянулся к светлой металлической коробке, прикрепленной к стенке наверху. Он снял с крючка какую-то черную загогулину, и эта загогулина странно запищала. Очкарик стал пальцем крутить приделанное к середине коробки колесико. Через некоторое время писк сменился мяуканьем. Трубка мяукала долго. Человек терпеливо ждал. Он переминался с ноги на ногу, и, как Муська ни старалась забиться в уголок, ботинок очкарика все-таки наступил на кончик кошачьего хвоста.

Крик Муськи был настолько неожиданным для очкарика, что он выронил портфель. Портфель упал на Муську. Кошка с перепугу сделала “ф-фы!” и единым махом взлетела на светлую коробку, оказавшись носом к носу с незнакомцем.

- Черт возьми! - пробормотал очкарик. - Вечно эти шалопаи: то трубку отрежут, то набиратель сломают, а теперь вот еще и кошку подсунули... Кис-кис-кис... - позвал он. - Э-э! Да ты вся дрожишь от страха. Ну-ну, не бойся... Прошу вас, мисс Кис, на свободу!..

И он широко распахнул дверцу телефонной будки.

***

Утром следующего дня старшая медицинская сестра встретила санитарку упреком:

- Что же вы, тетя Соня, не могли увезти вашу кошку подальше.

- Да уж куда дальше. До площади Революции на метро довезла, там и оставила...

- Врете вы все, - в сердцах возразила старшая. - Вон, полюбуйтесь, у черного хода сидит и мяучит, сюда просится.

- Как? - всполошилась Протасьевна. - От площади Революции сюда, в Измайлово, пешком пришла?!

И, не обращая больше внимания на сестру, санитарка понеслась к дверям. Муська сидела у порога и покачивалась из стороны в сторону. Лапы ее кровоточили, глаза слезились. Никто, наверное, и представить не мог, сколько натерпелась она за ночь, прежде чем добралась до знакомых дверей. Увидев Протасьевну, Муська сделала "мррры!" и попробовала потереться о ногу своей хозяйки, да чуть не упала от усталости.

- Мусенька! - запричитала Протасьевна. - Прости меня, дуру старую...

Протасьевна вошла в кабинет главного врача и положила на стол листок бумаги. Аркадий Абелевич удивленно глянул на санитарку поверх очков. Она молча показала глазами на бумагу. Главный врач вздернул очки и прочел фиолетовые каракули:

«Главному врачу А.А. Штейну
от санитарки Мошниной

Прошу уволить меня, потому што кошку Муську я выбросить на
произвол судьбы не могу. Понятно?

К сему остаюсь – Мошнина».